

"В любом случае, я не уверен. Ты можешь пользоваться им так, как обычно. Мне не нужна арендная плата, просто хорошо ухаживай за домом для меня. Пожалуйста, также ухаживай за персиковыми деревьями".

"Я действительно могу это сделать? Я живу здесь уже пять лет, так что я должен вам 1 800 000 вон за аренду!" воскликнул Санг Чхоль.

За последние пять лет он накопил 1 800 000 вон за аренду. Он неожиданно накопил изрядную сумму денег. Господин Ин Бо был человеком, которого никогда не мучила совесть, когда дело касалось денежных проблем. Он откладывал арендные платежи, как свои сбережения, с расчетом на то, что Му Санг вернется.

"Ты давал мне много яблок, когда я был моложе. Я даже съел трех твоих цыплят. С этим я по квитался. Скажем так: ты заплатил мне за квартиру и можешь купить своей дочери что-нибудь вкусное. И жене тоже купи подарок. Если ты не будешь заботиться о доме должным образом, я вернусь, чтобы забрать платежи".

"Надо же, с тех пор как ты вернулся после жизни в другой стране, ты стал довольно щедрым. Я благодарен тебе за такие слова, но я не могу этого сделать, так как я старше тебя. Я буду отдавать тебе половину арендной платы и позабочусь о доме и могиле твоего отца. Оставь мне информацию о своем банковском счете".

"О, тебе не нужно."

"Даже у блох есть гордость".

В конце концов, они переписали договор так, чтобы арендная плата была снижена вдвое, и включили условие, что Санг Чхоль согласится заботиться о доме. Оставшаяся часть арендной платы шла на содержание могилы его отца в деревне Ёнгок.

Обе стороны были довольны соглашением. Такое соглашение возможно только в сельской местности. Чжин Сун, который до этого дулся, в конце концов тоже улыбнулся. Это очень похоже на тебя, оппа. Дом и могила отца в сто раз важнее, чем пачка денег.

"А ты украл радио в тот раз?"

"Оппа не крал его. Отец Ву Така украл его после того, как вернулся с азартных игр. Мама Кёнджа даже сообщила нам о возвращении отца Ву Така.

Они испугались, когда ворвалась полиция, и свалили все на оппу".

Чжин Сун возразила с огромным раздражением.

"Это верно. Мы знали, что Му Санг никогда не сможет этого сделать. Однако Пэк Бу, Пэк Мо, Хва Чжа и Ву Так распространяли слухи, что это ты украл".

"Все это в прошлом. Я ухожу".

"О, я, должно быть, сказал слишком много. Все это случилось сто лет назад, так зачем я вообще об этом вспомнил? Моя жена скоро вернется. Вы должны поужинать перед уходом".

"Вы сказали, что заняты. Я приду в следующий раз".

Му Санг ушел, не выдержав настойчивого приглашения Санг Чоля. Сидеть в доме матери было

бы только хуже для его сердца.

Выйдя из дома, Му Санг погрузился в глубокие раздумья. Он не мог понять, что происходит в мире.

"Сун-а, ты знаешь что-то, чего не знаю я?"

"Я ничего не знаю. Я потом переехал в Тэгу, так что никого из той семьи не видел".

"Хорошо, давайте сначала пойдём к моему дяде. Если он сильно ранен, я должен его навестить".

Единственным членом семьи, который относился к нему по-доброму, без осуждения, был его дядя. Тетя даже обеспечила его теплой едой и одеждой, доставшейся от нее. Му Санг был не из тех, кто забывает даже самые незначительные добрые жесты. Он был занят, но не мог просто пройти мимо.

У его дяди было 20 акров пашни и пять полей. С таким количеством земли они без проблем могли прокормить себя. Пока он шел по городу, он видел нескольких жителей, но никто не узнал Му Ссанга.

Он отодвинул упавшую дверь и вошел на лужайку перед домом. Его тетя, которая резала корм для скота на лужайке перед домом, встала. Она выполняла работу, для которой обычно требовалось два человека. Ее муж был прикован к постели, а две ее дочери работали, пытаются заработать деньги. Даже если кто-то и помогал, то лишь от случая к случаю.

"Разве это не Чжин Сун? Кто этот молодой человек?"

"Госпожа, вы хорошо себя чувствуете? Это Му Санг".

Му Санг поклонился.

Сначала она тупо смотрела на него, а потом подпрыгнула от удивления. Ее щеки словно горели.

"О, Боже! Ссанг?"

"Да, это Ссанг, которому ты дала одежду".

"О, дитя, ты еще жив!"

Тетя подбежала и обняла его.

"Пойдем в дом. После того, как твой дядя так кончил, кажется, что он едва живет".

"Ого, ты что, в одиночку готовишь корм для скота?"

"Ты знаешь это лучше меня. Соседи не очень-то помогают. В эти дни нет ни одного человека, который бы помог мне с работой на ферме".

Его тетя вытирала слезы концом рубашки. С первого взгляда он понял, что хозяйство разваливается. В районе соломенных мостов всегда были семейные ссоры, еще до Корейской войны. Даже по прошествии времени обида, накопившаяся за эти годы, становилась только глубже.

"Сун-ах, дай мне только закончить, а потом мы пойдем в дом".

В мае обычно выпускали коров на волю, чтобы они ели траву на полях, так как обычно они не резали соломку для их потребления. Это означало, что у нее не было времени подстригать их для выпаса.

"Тетя, дай мне серп и мешок".

"Зачем? Я могу просто кормить их соломой".

Му Санг схватил селоморезку, даже когда она отказалась от его помощи. Одной рукой он проталкивал солому, а другой нажимал на резак.

Puk-

Нарезать-

Puk-

Slice-

Быстро и мгновенно он в одиночку закончил целый бушель, отчего глаза Док Суна широко раскрылись. Сад внутри дома тоже был полон сорняков. Посаженные перцы завяли, а сорняки буйно разрослись.

Му Ссан налил в кастрюлю воды и зажег под ней огонь. Тем временем Чжин Сун одолжил рабочие штаны и схватил серп.

Swish-

Swish-

Когда серп проходил через него, ее руки быстро выдергивали траву.

Умение Чжин Сун тоже было нешуточным. В мгновение ока она собрала целый бушель. Она засыпала солому и корм в горшок и посыпала их рисовыми отрубями.

Клан -

"Ух ты, как вкусно", - прокомментировала она и закрыла крышку кастрюли.

Му Санг улыбнулся. Чжин Сун всегда был таким освежающе прямолинейным.

"Боже мой, ты хорошо работала, когда была моложе, но сейчас ты как машина. Если вы с Чжин Сун будете вместе, это будет идеально".

Чжин Сун вздрогнула от этого замечания, а ее лицо покраснело.

О, посмотрите на эту искусительницу!

Му Санг прищелкнул языком. Она была такой грубой перед его учителем, но перед семьей она ведет себя невинно.

"Давай посмотрим на дядю".

"Хорошо! Пойдемте в дом".

Прикованный к постели мужчина лежал под толстым одеялом. В ноздри ударил затхлый запах человека, прикованного к постели в течение долгого времени.

"Муж. Открой глаза, чтобы ты мог увидеть, кто здесь".

"Жена, здесь кто-то есть?"

Из его горла с трудом вырвался хрип. Это был симптом пневмоторакса.

"Это пневмоторакс?"

Чжин Сун кивнул, не говоря ни слова. Оппа выучил все медицинские термины еще в младших классах.

"Господин, это я. Му Санг".

"Что за дела? Ссанг пришел. Давай посмотрим на твое лицо".

Он поднял веки вверх. Его остекленевшие глаза не могли сфокусироваться, и его взгляд плавал по сторонам.

"Ты стал мужчиной. Я едва мог узнать тебя. Чжин Бо и его жена были бы ужасно счастливы".

"Как это случилось?"

"На меня напал бык".

"Позволь мне взглянуть на него".

Му Санг снял одеяло. Вонь ударила ему в нос. Чжин Сун тоже отвернулась. Му Санг не дрогнул.

"О, что делать? Будет сильно пахнуть".

Му Ссан не ответил и продолжал медленно осматривать его, наклонившись.

"Кто это с тобой сделал?"

В голосе Му Ссанга чувствовался холод. Травма была получена не от нападающего быка, а от удара дубинкой. Избиение дубинкой было его специальностью. Синяки на его теле были следствием травм, полученных от оружия. Даже по прошествии десятков лет он мог обмануть призрака, но не Му Ссана.

"О чем ты говоришь? Ничего подобного не было", - решительно отрицал дядя.

"Скажи мне, кто этот сопляк, который избил тебя дубинкой, как будто молотил?"

"Муж. Расскажи Ссангу, что случилось. Я ни с кем не говорил ни слова, и это убивает меня изнутри".

Дядя на мгновение замешкался, прежде чем открыть рот, чтобы заговорить.

"Хорошо, я не могу вот так просто умереть, не рассказав кому-то о несправедливости, через которую мне пришлось пройти. Ты знаешь о ситуации с Сабуком?"

"Я не знаю".

"Это было четыре года назад, когда Чун Ду Хван устроил скандал. Я закончил осенний сбор урожая и пошел на угольную шахту Сабук, чтобы заработать немного денег на школу для нашего ребенка."

"Хм! Ты что, с ума сошел? Это слишком опасно", - вздохнул Му Санг.

Трудолюбивые люди обычно шли в угольные шахты или на другую работу, когда заканчивался сезон сбора урожая. Они делали это, чтобы заработать деньги на школу для своих детей, отправить в отпуск своих стареющих родителей или купить кольцо своей трудолюбивой жене. Это было устаревшим, но это был способ показать свою привязанность.

"Это не так. Я работала в приюте на горе Чжи Чжан в Сабуке. Ситуация там была некомфортная, но я смогла выдержать пару месяцев, так как могла зарабатывать деньги". В апреле горняки объявили забастовку. Компания, видимо, плохо договорилась с профсоюзом о зарплате. Что я мог знать? Я просто остался там, где был".

Его дядя продолжил: "По правде говоря, жилье там было непригодно для жизни, а по сравнению с выполняемой работой, зарплата была довольно мизерной. Я понимаю, почему горняки решили устроить забастовку. Человек, который ушел из правительства, переехал бастующих горняков на машине. Двое из них погибли, а трое были тяжело ранены. После этого начался настоящий ад. 1000 горняков взбунтовались, поэтому пришлось вызвать полицию. Я не участвовал в демонстрации. Какими знаниями должен обладать такой ничтожный рабочий, как я, чтобы помочь начать драку?"

"Вас, вероятно, арестовала ассоциация, а захваченные горняки, вероятно, затащили вас к себе".

"Откуда ты так хорошо знаешь? Ты точно умный". Лидер горняков и правительство достигли соглашения, которое положило конец демонстрации. Однако после этого в дело вступила армия. Они работали вместе с полицией и вдруг начали арестовывать всех горняков и увозить их. Я даже не знал, что происходит, и был арестован вместе с ними".

Кашель -

Кашель -

Его дядя выпустил сухой кашель.

"Отдохни немного".

"Все в порядке. Я чувствую себя таким злым и обманутым, что могу умереть, только закончив рассказ. Я поехал туда только потому, что они сказали мне, что хотят видеть меня на собрании по региональному развитию. Как только я вошел в полицейский участок, они надели на меня наручники и потащили в подвал. В подвале сделали кучу кабинок, похожих на соты, где нас били дубинками, пинали ногами, засовывали головой в воду и пытались разными способами. Так я получил раздробленное колено и сломанную спину. Они морили меня голодом три дня, пока избивали. На четвертый день меня освободили. Они погрузили меня на джип и бросили в

больнице, где меня едва подлечили, прежде чем отвезти домой".

"Они, наверное, угрожали снова арестовать тебя и избить до смерти, если ты произнесешь хоть слово, так?"

"Ты хорошо это знаешь. Я была так напугана. Поэтому я говорю людям только то, что на меня напал бык. Тем не менее, я чувствую себя обманутым. Я не могу просто так умереть".

"Слышали ли вы что-нибудь, пока вас пытали?"

"Я часто слышал, что президент приказал им строго разобраться с ситуацией. Из того, что я слышал из их разговора, они сказали, что 20 горняков погибли, а 100 стали инвалидами. Мне было так страшно".

"Вы не помните ничьих имен?"

"Конечно, помню, того, кто всегда мучил меня, звали Ким Ён Но. Был еще Ю Ён Чхоль, и кто-то по имени шеф Чжан".

Му Санг кивнул головой.

Он не знал, какова ситуация с Сабуком, но он знал, кто контролирует их в правительстве. Хотя это и хлопотно, но если бы он действительно захотел, он мог бы найти организатора ситуации. Все, что ему нужно было сделать, это поискать в Министерстве информации.

"Вы были вознаграждены чем-нибудь взамен?"

"Вознаграждение? Они сказали, что мы, коммунисты, должны быть рады, что они были достаточно милосердны, чтобы не убивать нас".

Глаза его дяди дрожали от ярости. Это был болезненный взгляд бессильного гражданского.

"Проклятые панки, как ты лечился?"

"Меня госпитализировали на два года. Оплата больницы стоила 10 акров земли. Моим дочерям, которые ходили в школу, пришлось вместо этого работать на фабрике и кондуктором. Ох, ху-ху-ху!"

По лицу дяди текли слезы. Это были горькие слезы. Появилась еще одна жертва - следствие тех, кто несправедливо использовал свою власть. Он вспомнил Хён Дона, которому раздробили колено, когда его арестовали в университете. Его поймали за комендантский час, а также за длинные волосы.

"Ха, эта страна совсем не изменилась. Я должен сломать шею этому сопляку".

Глаза Му Ссанга сверкнули красным. Он вспомнил о дубинках и колодках, которые сыпались на него как град. Правительство, которое должно защищать своих граждан, вместо этого избивало их дубинками. Среди всего этого был президент. Сколько людей, как он сам и его дядя, проливали кровавые слезы из-за них?

Му Санг погрузился в размышления. Учитель запретил бы ему это делать, но его сердце было в ярости. Он тосковал по стране амбиций, по Чаду, где он мог делать все, что пожелает его сердце.

"Оппа!"

"Хорошо, хорошо. Я понял."

Он знал даже без слов Чжин Сун. Было бы слишком сложно изменить такой давно установленный порядок.

"Где у тебя боль?"

"Я не могу пользоваться одним из коленей, и у меня болит спина, поэтому я не могу стоять. В больнице сказали, что для меня больше ничего нельзя сделать".

"О, что мы можем сделать? Вот почему он не может пошевелить ни одним мускулом".

Глаза его тети были полны слез.

Му Санг осторожно положил дядю прямо и поднял его левую ногу. Это была нога с разбитым коленом. Ему было больно. Он снова поднял правую ногу.

"Ак!"

Крик вырвался из его губ.

"Похоже, центральное межпозвоночное ядро выскользнуло".

Глаза Чжин Сун расширились. Она сказала это с подрагивающими губами. Ей оставалось только наблюдать за тем, что делает ее оппа.

"Тетя, с этого момента ты ничего не видела".

Она не понимала, о чем он говорит, и растерянно смотрела на него.

"Оппа попытается вылечить дядю, поэтому он хочет, чтобы ты притворилась, что ничего не видела".

"Хорошо. Если ему станет немного лучше, я сделаю все, что угодно".

Деок Сун притворился, что Му Санг просто делает ему массаж.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2165010>